

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-79-93

УДК 297

Содержание статьи

Информация о статье

*М. Я. Яхьяев*¹

Введение.
Демократия versus ислам?
Демократия: содержание и форма.
Ислам versus либеральная демократия.
Заключение.

Поступила в редакцию: 25.09.2024
Передана на рецензию: 30.09.2024
Получена рецензия: 15.10.2024
Принята в номер: 24.10.2024

Ислам и демократия

Дагестанский государственный университет; tuchtar59@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется образовавшийся в исламоведческой среде разброс мнений по проблеме совместимости демократии с исламом. В ней устанавливается, что невозможность демократического правления в мусульманской стране выводится западными интеллектуалами как из особенностей исламской религии, так и из природной злобности, агрессивной нетерпимости, склонности к насилию, свойственной, по их мнению, мусульманам. Мусульманские интеллектуалы, которые обосновывают несовместимость демократии с исламом, исходят из недопустимого отождествления демократии с либеральной ее моделью. Их аргументация усиливается демонстрацией тех социальных пороков, с которыми столкнулись либерально-демократические страны западного мира и от которых мусульманская умма защищена неукоснительным соблюдением духовно-нравственных установлений религии Аллаха.

Историческое многообразие моделей, форм, версий демократии выводится в статье из конкретно-исторических особенностей развития народов и стран, из политических традиций их государственной организации, социально-классового структурирования обществ, национального менталитета, доминирующей религии и т. д. В ней устанавливается, что утвердившиеся в мусульманских странах конкретные модели политического правления являются доказательством лучшей их адаптированности к решению насущных задач развития. На этой основе критическому анализу подвергаются попытки апологетов однополярного мира представить ценности либеральной демократии «универсальными» демократическими ценностями и навязать их мусульманскому миру в качестве единственно приемлемых для стран, идущих по пути демократического развития. Автор аргументирует положение, что либеральная демократия как форма осуществления власти невозможна в мусульманской стране по причине полного игнорирования либерализмом исламского фактора государственно-политической организации жизни мусульманской уммы. Но в мусульманской стране может утвердиться демократия, соответствующая идеологическим ценностям исламской религии, во многом отличающимся от секулярных ценностей либерализма.

Ключевые слова: религия, ислам, власть, государство, гражданское общество, форма правления, политический режим, идеология, демократия, либерализм, либеральная демократия, исламская демократия.

¹ *Мухтар Яхьяевич Яхьяев* – профессор, заведующий кафедрой философии и социально-политических наук, ДГУ, доктор философских наук; orcid.org/0000-0003-2243-7222.

DOI: 10.21779/2077-8155-2024-15-3-79-93

UDC 297

Content of the article

Information about the article

*M. Ya. Yakhyaev*²

Introduction.
Democracy versus Islam
Democracy: content and form.
Islam versus liberal democracy.
Conclusion.

Received: 25.09.2024
Submitted for review: 30.09.2024
Review received: 15.10.2024
Accepted for publication: 24.10.2024

Islam and Democracy

Dagestan State University; mughtar59@mail.ru

Abstract. The article analyzes the range of opinions on the problem of compatibility of democracy with Islam that have emerged among the Islamic scholars. It is established that the impossibility of democratic governance in a Muslim country is deduced by Western intellectuals both from the peculiarities of the Islamic religion and from the natural anger, aggressive intolerance, and a tendency to violence attributed to Muslims. Muslim intellectuals who substantiate the incompatibility of democracy with Islam proceed from the unacceptable identification of democracy with its liberal model. Their argumentation is reinforced by the demonstration of those social vices that the liberal democratic countries of the Western world have encountered and from which the Muslim ummah is protected by the strict observance of the spiritual and moral precepts of the religion of Allah.

The author derives the historical diversity of models, forms and versions of democracy from the specific historical features of the development of peoples and countries, from the political traditions of their state organization, the social and class structuring of societies, national mentality, dominant religion, etc. The author concludes that the specific models of political governance that have established themselves in Muslim countries are evidence of their better adaptation to solving urgent development problems. On this basis, the attempts of apologists of a unipolar world to present the values of liberal democracy as “universal” democratic values and to impose them on the Muslim world as the only acceptable ones for countries following the path of democratic development are subjected to critical analysis. The author argues that liberal democracy as a form of exercising power is impossible in a Muslim country due to the complete disregard by liberalism of the Islamic factor of the state and political organization of the life of the Muslim ummah. However, in a Muslim country, a democracy that corresponds to the ideological values of the Islamic religion, which differ in many ways from the secular values of liberalism, can be established.

Keywords: religion, Islam, power, state, civil society, form of government, political regime, ideology, democracy, liberalism, liberal democracy, Islamic democracy.

Введение

Вопрос совместимости демократии с исламом в последние десятилетия превратился в одну из самых актуальных проблем, по которой среди исламоведов, религиозных авторитетов, политических деятелей развернулись самые острые дискуссии. О превращении демократии в главный камень преткновения, «проклятый вопрос» исламского пробуждения пишут многие аналитики и эксперты [4, с. 54].

² *Mukhtar Yakhyaevich Yakhyaev* – Doctor of Sc. (Philosophy), professor, head of the Department of Philosophy and Socio-Political Sciences, DSU, orcid.org/0000-0003-2243-7222.

Суть вопроса в том, может ли утвердиться демократическая форма правления в обществе, где исламские ценности, морально-этические нормы, религиозные традиции являются образом жизни большинства населения, или такое невозможно принципиально?

Обсуждение этой, ставшей злободневной, проблемы выявило наличие множества отличающихся, порою прямо противоположных подходов и выводов о совместимости демократии с исламом. Среди них и представление демократии системой неверия, абсолютно несовместимой с исламом, и допущение возможности демократического правления в мусульманской стране, но при условии модернизации исламской религии в соответствии с универсальными принципами демократии, и требования пересмотра демократических ценностей с целью их большей адаптации к морально-этическим представлениям ислама, и призывы к утверждению в исламской политической практике собственной модели демократического правления, разработанной в строгом соответствии со всеми установлениями Корана, Сунны и пр.

Так что же такое демократия – форма политического правления, принципиально не приемлемая для мусульманской уммы, или же демократия – не только возможная, но и желательная модель осуществления власти, с которой если и конфликтуют какие-то конкретные религиозные или демократические ценности, то они могут быть легко преодолены в процессе демократического обустройства мусульманской страны? А может, демократические институты власти имеют содержание и форму, вытекающие из самой сути исламской религии, что делает возможной оригинальную исламскую модель демократического правления или демократии как системы и метода осуществления политической власти на основе исламских ценностей?

Так в чем же заключается глубинная сущность демократии и в каких формах она существует? От чего зависит практическая реализация той или иной конкретной формы демократического правления в отдельно взятом государстве? Является ли либеральная модель демократического правления, показавшая свою наибольшую эффективность в государствах «коллективного» Запада, универсальной моделью демократии, которую и должны выстраивать мусульманские страны, игнорируя собственные политические и религиозные традиции, сложившуюся экономическую, социокультурную и прочую конкретную специфику?

Демократия versus ислам?

Либерально настроенная творческая элита, исходя из идеи конфликта культур и цивилизаций, традиционно выводит принципиальную несовместимость демократии с исламом из якобы очевидных всем особенностей религии и менталитета мусульман. Так, французский мыслитель Эрнест Ренан еще в XIX веке писал: «Арабу власть вообще представляется всегда игом; он хочет минимума власти, потому что не умеет ставить ей границы и не видит, в чем ее благо для общества. При таком настроении умов власть правителей не бывает продолжительной, но пока она держится, она бывает жестока, ужасна... Восток никогда не понимал, что власть может быть ограничена в самой сущности своей» [5, с. 465–466].

В начале XX века эти же идеи повторит английский мыслитель и политический деятель Артур Бальфур: «Вся история восточных народов свидетельствует об их неспособности к самоуправлению... Ни один из этих народов не создал то, что мы на Западе называем самоуправлением» [8]. Широко растиражированы и утверждения британско-американского историка-востоковеда,

исламоведа Бернарда Льюиса о том, что ислам не может быть демократизирован, а мировоззрение мусульман не способно стать секулярным.

Однако возможность исламского демократического правления подвергалась сомнению не только идеологами европейского колониализма в прошлом. Многие современные аналитики, в том числе и отечественные, продолжают выводить антагонистичность демократии и ислама из особенностей организации власти в традиционном мусульманском обществе, природной злобности, иррациональной агрессивности, склонности мусульман к насилию, свобода личности которых может вести лишь к социальному хаосу. Так, А. М. Черницкий пишет: «В кланово-родовом обществе все решают кумовство и взятки – и никакого равенства граждан перед законом. Власть должна быть авторитарной или тоталитарной, иначе она мигом перейдет к другому клану, но не в итоге всеобщих и честных выборов. Характерны карманные парламенты, репрессии в отношении оппозиции, жесткая цензура, религиозная нетерпимость, пытки, карательные ампутации, публичные казни. Мир ислама в той же мере предрасположен к восприятию демократических ценностей, в какой демократические страны готовы перенять подобные дикости» [7].

Нередко отдельные аналитики утверждают, что демократия в мусульманском государстве с жестким теократическим авторитаризмом становится прямым путем к анархии или деспотизму. Рассуждая о том, что «мусульманские страны имеют более всего террористов и меньше всего демократии», они аргументируют свойственную мусульманам способность порождать лишь деспотические, тоталитарные или авторитарные режимы [15, с. 34]. Из подобных умственных упражнений «заклятых друзей» ислама выводится однозначный и широко тиражируемый по всему современному миру тезис: демократия – достояние цивилизованного Запада, а дикие нравы и тоталитарные политические порядки – это Восток.

Подлинной же причиной противопоставления демократии исламу является разочарованность апологетов либеральной демократии тем, что многолетние титанические усилия «коллективного» Запада по удержанию мусульманских стран в колониальной зависимости потерпели и продолжают терпеть фиаско. Вот они и торопятся объявить исламскую политическую культуру принципиально несовместимой с демократией, способной порождать лишь антидемократические режимы, а – ислам религией, антагонистичной демократии. Но, демонизируя таким примитивным образом мусульманскую религию, «демократический» Запад всего лишь решает банальный вопрос сохранения однополярного мира со своим безусловным доминированием. В арсенале средств обеспечения первенства «коллективного» Запада и находится продвижение по всему миру ценностей либерализма, объявляемых универсальными демократическими ценностями, но в реальности имеющими весьма отдаленное отношение даже к тем гуманистическим ценностям, которые были традиционными для рационального западного человека.

Апологеты однополярного мира не видят того очевидного обстоятельства, что так защищаемый ими «демократический» Запад всеми способами и средствами сам же порождает диктаторские и авторитарные режимы по всему миру, поддерживая их политику подавления любых проявлений народовластия в своих странах, если они выстраиваются по указке самопровозглашенного гегемона современности. Они молча наблюдают за тем, как этот самый «коллективный» Запад, растапывая все мыслимые и немыслимые демократические нормы и правила, по всему миру провоцирует «цветные революции», свергает законно избранные власти, физически ликвидирует признанные политические и религиозные авторитеты, попирает элементарные права и свободы граждан. Они почему-то не возмущаются тем, что самопровозглашенный гегемон повсеместно плодит террористические движения и организации, руками которых разжигает войны, провоцирует разрушительные конфликты и столкновения и т. п. Не желают они

видеть даже того, как целенаправленно возрождается нацизм, принеся столько неисчислимых слез и разрушений в XX веке. Их разум застилается интересами сохранения однополярного мира с безусловным доминированием США. Именно в эту сферу интересов «коллективного» Запада и вписывается политика демонизации ислама, которая приносит свои горькие плоды. Повсеместное систематическое тиражирование оценок и мнений о несовместимости демократии с исламом уже привело к утверждению в массовом сознании шаблонного мнения: «Исламская демократия – это то же самое, что исламский алкоголизм. Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Благоприятной основой изображения демократии как политического феномена, чуждого исламской вере, становится и разочарованность мусульман духовно-нравственным упадком западной цивилизации, ее двойными стандартами. На этом фоне исламский политолог Калим Сидикуин представляет демократию как одну из современных форм «политического неверия»: «Самое большое неверие (*kufir*) современного мира – это национализм, за которым сразу следуют демократия (суверенитет людей), социализм (диктатура пролетариата), капитализм и свобода воли. Все остальные политические системы, которые основаны на подобных идеях, являются частью „куфры“ [16]. Другие мусульманские интеллектуалы, рассуждающие об антагонистичности демократических ценностей исламу, отвергают демократию как вредоносную не только для мусульманской уммы, но и для всей современной цивилизации форму государственно-политической организации общества. Дело иногда доходит до того, что недовольство демократией как формой изъявления воли народа и тяготение к авторитарным способам правления проявляют даже отдельные избранные демократическими (в западном их понимании) путями руководители некоторых мусульманских государств.

Однако в современном мире немало и тех, кто убежден в том, что между исламом и демократией нет никакого антагонизма и любые утверждения о невозможности демократического правления в мусульманском государстве являются всего лишь следствием неадекватного понимания, с одной стороны, изначально демократической сущности исламской религии, с другой – природы демократии как формы и метода осуществления политической власти. К примеру, Э. Кедури пишет: «Идея представительства, выборов, политических институтов, регулируемых законом светского государства, и другие идеи подобного рода полностью соответствуют мусульманским политическим традициям» [13, с. 5]. Для того чтобы прояснить кто прав, а кто нет в этом споре, обратимся к анализу демократии.

Демократия: содержание и форма

Термин *демократия*, образованный из сочетания слов языка древних греков *демос* (народ) и *кратия* (правление), буквально означает «правление народа». В соответствии с этимологией слова под демократией традиционно понимается политическая доктрина, суть которой в признании за людьми способности управлять обществом, регулировать его жизнедеятельность. Основы такого понимания демократии были заложены в политической практике Древней Эллады еще в начале V века до н. э., когда политическую организацию своего города-государства афиняне определяли как демократию.

В античном демократическом государстве все граждане (за исключением женщин, рабов и чужеземцев) могли и должны были принимать участие в принятии политических решений и их реализации. Но даже в той афинской модели демократия не являлась правлением всего народа, т. к. понятием *демос* не охватывалась большая

часть взрослого населения полиса, в него включались только свободные граждане мужского пола, достигшие определенного возраста и владеющие собственностью.

В последующие периоды истории в этом плане мало что поменялось, из «демоса», призванного участвовать в принятии политических решений и заниматься управленческой деятельностью, исключались целые социальные классы, сословия, слои, этнические, демографические, конфессиональные общности и пр.

И даже сегодня между различными интерпретациями демократии и демократическими режимами существуют заметные разногласия по поводу того, кого относить к «демосу-народу», а кого нет. К примеру, в американской Декларации независимости 1776 года было формально закреплено равенство прав всех граждан, но чернокожие американцы право голосовать на равной основе получили только через столетие. А женщины даже формального права голоса не имели до принятия в 1920 году девятнадцатой поправки к Конституции США. Эти примеры, а их в истории разных стран можно найти множество, свидетельствуют о том, что демократии – как правления всего народа – никогда и нигде не существовало. И вряд ли когда-либо в обозримом будущем возможен политический порядок, который в буквальном смысле слова будет правлением всего народа. Именно поэтому в современных политических теориях понятие «народ» замещено термином «представители народа», что является косвенным признанием того, что на практике «правление народа» невозможно, возможно только «правление представителей, избранных большинством народа». Иначе говоря, даже в современных демократиях в принятии политических решений и в политическом управлении участвует далеко не весь народ, а всего лишь какая-то его часть, которая правдами и неправдами перетягивает на себя бремя правления, заявляя о своей особой ответственности за заботу о делах всего народа.

Таким образом, широко известные изречения Даниеля Уэбстера «Демократия – это правление народа, созданное для народа, созданное народом и подотчетное народу» и Авраама Линкольна «Демократия – это правление народа и для народа» неприменимы не только к современным моделям демократии, но и к существовавшим когда-либо в истории формам правления. Они имеют мало общего даже с афинской партиципативной демократией, которая выстраивалась путем лишения подавляющего большинства населения права политического участия в делах полиса. Историческая практика демократического развития свидетельствует скорее об относительной истинности утверждения, авторство которого приписывается Уинстону Черчиллю: «Демократия – это плохая форма правления, но ничего лучшего человечество не придумало».

Так что же такое демократия, которую даже известный английский политик назвал «плохой формой правления»? Говорил ли он о демократии как таковой или высказывался о современной ему либеральной модели демократии, реализованной в политической практике Великобритании? А может, все исторические и современные формы демократического правления, коих не один десяток, являются «плохими». Или все-таки есть одна «хорошая», «универсальная» модель демократического правления, которая и должна утвердиться в ходе цивилизационного развития всех стран и народов? Решить подобные вопросы невозможно без адекватного подлинной сущности понимания демократии как формы политического правления и режима осуществления власти.

В современном мире существует множество типов, форм, вариантов демократии, большая часть которых остаются духовно-теоретическими конструктами. Но немало и реализованных в политической практике моделей демократического правления. Вот лишь краткий перечень всевозможных версий демократии: чистая, ограниченная, буржуазная, социалистическая, либеральная, глобальная, космополитическая, социальная, управляемая, стабильная,

распределительная, фасадная, консорциальная, тоталитарная, делиберативная и др. А еще, наряду с западными (европейскими, американским), признается существование и незападных моделей демократии: японской, сингапурской, индийской, южно-корейской, малайзийской, тайваньской, израильской, турецкой и др. Станным здесь предстает лишь то, что в духовных построениях многих интеллектуалов, особенно западных, среди всего этого разнообразия моделей и версий демократии не находится места исключительно одной исламской демократической форме правления.

Все исследователи признают отличия незападных моделей демократии от западных вариантов, проистекающие из исторических традиций конкретных стран и регионов, особенностей социально-классового структурирования их обществ, политической культуры, национального менталитета и психологии, особой роли доминирующей религии и пр. Само признание существования незападных вариантов демократии, «которые «не лучше» и «не хуже», а просто «другие» (подобно тому, как мужской пол не лучше/хуже женского, а просто – «другой» пол)» является достаточным свидетельством их лучшей приспособленности для решения политических проблем специфических обществ иного, чем западные, типа» [1, с. 57–58]. Реальное многообразие типов, моделей, вариантов, версий демократии требует определения хотя бы минимального набора объективных критериев, которые позволят исследователям отнести утвердившуюся в той или иной стране форму правления к демократии или исключить такую возможность.

Французский мыслитель и общественно-политический деятель XIX века Алексис де Токвиль определял демократию как форму организации общества и происходящих в нем политических процессов, которая обеспечивает свободу и равенство граждан. Но он же предупреждал о существовании опасной перспективы превращения демократии из «правления народа» в «тиранию большинства», открывающую возможности подавления свобод личности и прав меньшинств во имя интересов большинства.

Среди существующего сегодня многообразия определений демократии наиболее широко представленным в политической науке является ее понимание как политического режима, правомерность которого обеспечивается транспарентными выборами в органы власти наиболее достойных кандидатов, которые на основе честной конкурентной борьбы за голоса избирателей получают наибольшую поддержку взрослого населения, проживающего на определенной территории, чьи интересы во власти они и должны представлять. Исходя из такого представления, С. Хантингтон и Й. Шумпетер квалифицируют демократию как процедуру институционализации политических решений, при которой для их обсуждения, принятия и реализации политическим агентам нужна государственная власть. При этом демократическая власть должна формироваться исключительно с помощью институциональных средств конкурентной борьбы за голоса избирателей [11; 12].

Подобным же образом определяют демократию и многие отечественные исследователи, в частности Малашенко А. В. и Нисневич Ю. А., которые пишут, что демократия, в отличие от других политических режимов, «характеризуется наличием конкурентной многопартийной системы и всеобщего избирательного права, регулярным проведением свободных и честных выборов при тайном голосовании, открытостью избирательной кампании, обеспечивающей всем партиям доступ к средствам массовой информации» [3, с. 96].

Для понимания демократии представляет интерес и подход Р. Даля, утверждающего: «Было бы ошибкой предполагать, что демократия была изобретена раз и навсегда, как, например, был изобретен паровой двигатель... Демократия, похоже, изобреталась не единожды и не в одном месте. В конце концов, если в какое-то время и в каком-то месте были благоприятные условия для изобретения

демократии, то разве не могли бы существовать аналогичные благоприятные условия в других местах? Я предполагаю, что демократию можно независимо изобретать и создавать заново всякий раз, когда существуют соответствующие условия» [14, с. 9].

По мнению Даля, основными индикаторами демократии являются: выборность должностных лиц, превращающая правление народа в представительную демократию; проведение свободных, справедливых и частых выборов; гарантированность свободы выражения мнений; обеспечение равного доступа к альтернативным источникам информации; наделение граждан правом и формирование условий создания независимых ассоциаций, политических партий, групп по интересам; утверждение инклюзивного гражданства, гарантирующего личности неприкосновенность всех этих прав и свобод» [14, с. 85–86].

Многие политические мыслители XX века указывали на необходимость наполнения демократии реальным содержанием, но саму такую возможность допускали только в условиях гражданского общества, которое формируется лишь при активном и осознанном участии граждан в общественно-политической жизни. «Только в этом случае функционирует развитое гражданское общество и имеется своеобразная «критическая масса» граждан, обладающих определенным уровнем интеллектуально-духовного развития, а именно, гражданским самосознанием, образовательным уровнем, соответствующим менталитетом и политической культурой, а также достаточной экономической обеспеченностью (средний класс). Если таких условий не имеется в обществе, то при формальном наличии всех государственно-демократических институтов (всеобщие выборы, многопартийная система, разделение властей и т. д.) за такой «фасадной» демократией вполне может существовать режим, ничего общего не имеющий с подлинной демократией» [2, с. 111].

В подобных рассуждениях известных политологов интересна именно эта увязка возможности демократии с достижением обществом требуемого уровня цивилизационного развития, под которым всеми априори подразумевается капитализм западного образца со всеми его либеральными ценностями, среди которых выделяются отделение государства от церкви, его светский характер, примат индивидуального над коллективным и пр. Как ни крути, но демократия возможна исключительно в условиях капитализма со зрелым гражданским обществом, а само гражданское общество формируется только в условиях либеральной демократии. А если здесь привести еще и М. Вебера с его идеей особой роли протестантской религии в становлении капитализма с его гражданским обществом, то легко прийти к выводу о том, что исламский мир может постоять в стороне, с завистью созерцая достижения цивилизованного западного демократического мира, или же он должен демократизироваться по либеральным меркам.

Подобная апология западной либеральной модели демократии приходит в противоречие с исторической практикой, которая убедительно демонстрирует возможность демократического правления как формы реализации не только либеральной, но и многих других политических идеологий. Та же античная демократия, которая не имела, да и не могла иметь даже отдаленного отношения к либерализму, была наиболее адекватным средством выражения и защиты интересов свободных (имеющих собственность) граждан в рабовладельческих обществах Греции и Рима. Но она же оказалась совершенно неуместной в изменившихся условиях, когда христианская идея стала монополюльно доминирующей в западных обществах. И тогда вместо преданных забвению демократических способов и методов правления по всему Западу утвердились теократические деспотические военно-политические режимы, использующие инструментарий правления далекий

от демократического, но вполне адекватный идеологии христианства и интересам феодального сословия как экономически господствующей части средневекового западного общества.

Апробированные в античности, но отвергнутые христианским Западом стандарты демократического правления в раннее Средневековье не ушли в небытие, они нашли свое эффективное применение и дальнейшее развитие в практике строительства первых мусульманских государств. Во многом благодаря и этому патриархальные арабо-мусульманские общества вырвались в авангард развития человеческой цивилизации, показали высочайшие для своей эпохи достижения политической культуры, науки и философии, медицины и образования, ремесленного и сельскохозяйственного производства, градостроительства и пр. Соприкосновение Запада с образцовой для своего времени мусульманской культурой несколько отрезвило военно-тиранические режимы европейских стран, которые с удивлением для себя обнаружили, что в основе многих достижений мусульманской культуры и цивилизации лежат давно отвергнутые ими же ценности. И это явилось значимым фактором возрождения в странах Запада демократии, усовершенствованной в исламских государствах, что и позволило им в эпоху Ренессанса сравняться в политической культуре с мусульманским Востоком. Демократия в ее либеральной разновидности позволила западным странам в Новое время резко вырваться в своем развитии вперед, оставив далеко позади себя весь остальной мир, в том числе и исламский, который законсервировался в средневековом состоянии, т. е. повторил печально известную судьбу раннесредневекового Запада.

Ислам versus либеральная демократия

Либеральная демократическая культура, основы которой были заложены усилиями Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, просветителей XVIII века, окончательно утвердилась в западных обществах в эпоху модерна. Немыслимые ранее достижения во всех сферах развития общества, обеспечиваемые демократическими режимами, стали притягательным фактором для правителей множества других стран. Переформатирование российского государства Петром I и последующими правителями, обеспечившее на столетия определенную динамику развития России, во многом объясняется в том числе и преимуществами той заимствованной у Запада модели демократии. Однако избирательная либерализация общественно-политической жизни российского общества явилась еще и весомой причиной пробуждения бунтарских настроений и всплеска революционных выступлений в России.

Либеральная демократия и основанное на ней общество только при поверхностном соприкосновении предстает социальным обустройством без изъянов, тогда как в своей основе оно разъедается многими социальными язвами. Фундаментальные, неискоренимые в либерально-демократическом обществе проблемы не в последнюю очередь явились причинами возникновения и распространения марксизма как идеологической альтернативы либерализму. Потому в России и стала утверждаться демократия в марксистском ее понимании, что попытки привнесения ценностей либеральной демократии оказались разрушительными для традиционных форм жизни русского общества. Благодаря новой советской форме демократии, нацеленной на создание реальных условий участия каждого советского человека в процессе принятия политических решений и их реализации, СССР восстал из пепла после Гражданской войны, возродился после Великой Отечественной войны и превратился в один из притягательных для остального человечества полюсов биполярного мира. И произошло это потому, что

в советской форме демократического правления удалось не только сохранить, но и развить традиционные для русского народа ценности (самодержавие, соборность, православие) и тем самым продемонстрировать всему остальному миру преимущества социалистической модели демократии как эффективной альтернативы либеральной демократии.

Но и либеральный Запад, чье материальное благополучие во многом определялось многовековой беспощадной эксплуатацией колониально зависимых от него стран, не отставал от СССР, а в чем-то и превосходил его. Советские руководители, в частности М. Горбачев, А. Яковлев, Б. Ельцин и др., очарованные витринными достижениями Запада, в 80-е годы решили приоткрыть завесу и освежить воздух страны. Но по недомыслию они вместо окон открыли кингстоны, и «Титаник» под названием «СССР» быстро пошел ко дну. В политическое пространство России, откуда выветрилась коммунистическая идеология, как из «рога изобилия» хлынули самые различные идеологические ценности, среди которых оказались и антиценности деструктивных идеологических систем, спровоцировавшие сепаратистские и радикальные религиозные движения. Доминирующими в социально-экономической и политической системе России предстали настойчиво продвигаемые молодыми реформаторами неолиберальные ценности, которые как основы государственного обустройства России оказались закрепленными в Конституции 1993 года. И вот уже более трех десятилетий экономическая и общественно-политическая жизнь России выстраивается по навязанным извне западным либерально-демократическим меркам.

Мусульманский мир, отброшенный на задворки истории многовековой колониальной политикой Запада, где-то очарованный его достижениями (Турция), а где-то под его неусыпным давлением (Тунис, Алжир, Египет, Ирак) безуспешно пытается внедрить у себя институты и ценности либеральной демократии, не считаясь с их неконструктивностью в исламской политической среде. Передавая забвению собственные демократические традиции и ценности, внедряя у себя отдельные институциональные формы либеральной демократии, придавая традиционным институтам исламской демократии превращенные формы, они пытаются демократизироваться по западным лекалам. Результаты такой политической модернизации и предстают «фасадной демократией», которая имеет мало общего, как с западной либеральной демократией, так и с исламским демократическим правлением. И такие провальные попытки привнесения в отдельные мусульманские страны такой формы демократии становятся для многих аналитиков и экспертов доказательством принципиальной несовместимости демократии с исламом. Но это не демократия как форма правления и политический режим несовместима с исламом, а многие «витринные» ценности и достижения либерализма как идеологии западного общества эпохи модернизма, и особенно постмодерна, неприемлемы для ислама и мусульманской уммы.

В основаниях либеральной демократии лежат оригинальная политическая философия и идеологическая доктрина со своим специфическим пониманием природы человека, его неотъемлемых прав и свобод, духовно-нравственного облика. Но у ислама свои особенные убеждения о человеческой природе, его правах и свободах, духовно-нравственных ценностях. Поэтому и модель политического правления, выстроенную на идеологических ценностях либерализма, не являющихся универсальными, недопустимо представлять в качестве единственно возможной формы правления. Принципиальную несовместимость демократии с исламом выводят именно те из авторов, которые находятся в плену иллюзий относительно исключительной универсальности либеральной идеологии и выстроенной на ее основе формы политического правления.

Основными ценностями либерально-демократической формы правления предстают права и свобода личности, равенство всех граждан, свобода слова, мнений, форм собственности, существование оппозиции, представляющей интересы меньшинства, плюрализм и многопартийность, существование множества объединений по интересам, образующим фундамент гражданского общества и т. д. Именно эти ценности и представляются коллективным Западом универсальными индикаторами демократии, которые и должны быть утверждены в любом государстве, которое стремится быть демократическим. При этом апологетами либерализма замалчиваются другие аспекты «универсальной» модели демократии, напроочь лишаящие ее притягательности для многих других стран и народов, игнорирующие их исторические, социальные, культурные, религиозные, национальные, бытовые и прочие традиции и особенности. Они в упор не видят фундаментальных изъянов либерального общества, таких, как социальное расслоение, фактическое неравенство стартовых возможностей граждан, наличие отдельных категорий граждан, лишенных каких-либо форм социальной защиты и т. д.

Мусульманский мир в своем неприятии либеральной модели демократии видит не только достижения благополучного Запада, но и то, что безудержная, ничем не ограниченная свобода личности, примат индивидуального над коллективным, отказ от абсолютных моральных ценностей давно уже привел западную цивилизацию к разрушению семьи как базовой ячейки общества, к однополым бракам, бисексуализму и трансгуманизму. И чем больше подобные метаморфозы западного общества будут наблюдаться мусульманами, тем активнее будет проявляться их сопротивление замшелым стандартам либеральной демократии. И чем активнее Запад будет продвигать свою демократию как единственно возможную и универсальную форму правления, тем больше мусульмане будут убеждаться в несовместимости демократии с исламом.

Наиболее конфликтующими с исламом ценностями либеральной демократии предстают светскость – как идеологический принцип, и секуляризм – как образ жизни. Но являются ли светскость и секуляризм сущностными характеристиками демократии вообще, правомерно ли эти особенности либеральной модели демократии представлять в качестве критериев демократического правления вообще? Историческая практика демократического развития многих стран от античности до современности доказывает то, что они не могут считаться атрибутивными индикаторами демократии. Понимание этого проявляют многие исследователи, в частности А. Малашенко, который разворачивает обоснование того, что светский характер государства не является «ни необходимым, ни достаточным условием» демократического правления [3, с. 99]. Его мнение перекликается с довольно распространенной в самой же либеральной среде идеей о том, что блага современной цивилизации не обязательно обусловлены секуляризацией жизни народа, а религия никогда и не утрачивала своего влияния на социально-политические процессы [9, с. 2–3].

Мусульманское государство может стать демократическим, но оно никогда не будет светским, что, конечно же, не должно становиться основанием отрицания совместимости демократии с исламом. Никакая прямая корреляция между демократией, с одной стороны, секуляризмом и светскостью – с другой, недопустима. Иначе, соглашаясь с тем, что светскость и секуляризм являются сущностными характеристиками демократии как таковой, мы неизбежно придем к отрицанию всех исторических форм демократии – до эпохи модерна, с ее либеральной моделью и существующих наряду с ней в современном мире. Это явилось бы осуществлением «голубой мечты» идеологов неолиберализма с их идеей

«конца истории», одной «универсальной» модели демократии и однополярного мира с безусловным доминированием «коллективного» Запада.

«Конец истории» по Ф. Фукуяма в 90-х годах породил уверенность в том, что новый однополярный мировой порядок должен основываться на единственно жизнеспособной форме правления, каковой может быть только неолиберальная демократия. Тогда же «коллективный» Запад, пребывая в эйфории от последствий развала СССР и мировой системы социализма, стал всеми возможными средствами – от пропагандистских до военных – продвигать по миру либерально-демократические ценности. Неустанно разглагольствуя о преимуществах либеральной демократии, он не гнушался поддержкой самых диктаторских политических режимов, тоталитарных сект и даже террористических организаций, которые могли бы, по его мнению, способствовать утверждению однополярного мира с его «универсальными» либеральными ценностями. А если в регионах и странах, живущих по своим традиционным ценностям, не находились силы, способные продвигать либеральные ценности, то США и его вассалы переходили к крушению традиционных для этих стран политических режимов, провоцированию «цветных революций», приведению к власти тех, кто готов был в ущерб интересам своих национальных государств служить зарвавшемуся гегемону.

Либеральная демократия не может стать ни образцом, ни ориентиром государственного строительства мусульманских стран по причине игнорирования либерализмом религиозного фактора социально-политических процессов. Образцы секулярного общества, утвердившиеся на Западе, абсолютно неприемлемы для обществ с высокой религиозностью населения, а это значит, что если какая-то мусульманская страна и пойдет по пути демократического развития, то только по своим представлениям о демократии, совместимым с фундаментальными ценностями ислама. И чем раньше глобальный Запад поймет это и примирится с идеей невозможности однополярного мира, выстроенного в соответствии с ценностями либеральной идеологии, тем быстрее улягутся конфликты, утвердятся стабильность и предсказуемость мировых процессов. Вопрос только в том, когда же у «коллективного» Запада проснется разум и он откажется от попыток продлить агонию самопровозглашенного политического гегемона современности.

Заключение

«Коллективный» Запад собственными недалёковидными заявлениями и действиями провоцирует в мусульманских странах неприятие демократии как формы политического правления, основанной на ценностях либерализма. Дело дошло даже до того, что противиться деструктивным «демократическим» поползновениям США и его сателлитов стала даже Саудовская Аравия. Фахд ибн Абдул-Азиз ибн Аль Сауд, правивший королевством на рубеже тысячелетий и проводивший политику безоговорочной поддержки США, оказался вынужденным заявить, что «демократическая система не подходит для Ближневосточного региона, так как уклад и традиции наших народов отличаются от остального мира» [15, с. 33]. Солидарность с его мнением сегодня проявляют большинство лидеров мусульманских стран, но с одной существенной оговоркой – для их стран не подходит не демократическая система вообще, а та форма демократического правления, которая основана на либерализме и его ценностях, выдаваемых за «универсальные» демократические ценности.

Относительно свободные от диктата Запада мусульманские страны все больше стремятся выстроить систему государственного правления с учетом своих национальных интересов и религиозной идентичности населения, пониманием уровня собственного экономического и социального развития, состояния правовой

и политической культуры граждан. И такую устремленность к форме политического правления, соответствующей собственной истории, культуре, религии, традициям, апологеты либеральной демократии представляют стремлением к авторитаризму или тоталитаризму, выводят из него принципиальную несовместимость демократии с исламом. Особенно наглядно это можно видеть на примере тех государств, которые Запад еще совсем недавно считал демократическими странами, хотя и с «несовершенной» демократией, – в связи с наметившимися в них тенденциями выхода из-под влияния «коллективного» Запада стал относить к авторитарным режимам (Индонезия, Тунис, Сенегал, Сьерра-Леоне, Албания, Коморские острова, Бангладеш, Мали, Нигер).

В этом ряду особенно примечателен пример Турции, где с 2016 года Р. Эрдоган инициировал конституционную реформу, нацеленную, по мнению Запада, на выстраивание неоавторитарного режима личной власти. Авторитарный откат Турции от демократии «светочам» либерализма видится в том, что правящая элита для сохранения своего политического влияния стала формировать в стране «режим доминирующей власти» [6, с. 99]. Более того, Запад обвиняет Эрдогана и в инструментальном использовании им политического ислама для подавления оппозиции и расширения социальной базы поддержки и укрепления режима своей власти.

Однако политический опыт правящей в Турции Партии справедливости и развития скорее свидетельствует о возможности оригинальной идеологической версии исламской демократии, нацеленной на утверждение демократического режима правления в стране, где подавляющее большинство населения стремится сохранить свою исламскую идентичность. Турецкий вариант исламской демократии, по мнению его идеологов, не ведет ни к тотальной клерикализации страны, ни к секуляризации жизни в либеральном ее понимании, но позволяет модернизировать общество с учетом требований демократизации правления. С одной стороны, признавая определяющую политическое поведение и ценности личности роль ислама, он ограничивает значимость религии как источника действующей системы политической власти. С другой стороны, рассматривая светскость как «институциональный подход и метод, гарантирующий, что государство остается нейтральным и равноудаленным ко всем религиям и идеям», обеспечивает необходимый уровень секуляризма, признаваемого «неотъемлемым условием демократии и гарантией свободы религии и совести» [10, с. 1200–1201]. Реализация турецкого варианта исламской демократии должна, по их мнению, привести к рождению новой «постсекулярной» Турции, в которой светские принципы обустройства жизни будут гармонично сочетаться с исламской политической практикой.

Чем же является исламская демократия по своему содержанию и в каких формах она утверждается в практике государственного строительства в мусульманских странах мы рассмотрим во 2 части статьи, которая будет опубликована в следующем номере журнала.

Литература

1. Воскресенский, А. Д. Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии / А. Д. Воскресенский // Сравнительная политика. 2011. № 1. – С. 44–69.
2. Долгов, Б. Демократия и исламизм в Арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) / Б. Долгов // Полития. 2007. № 4 (47). – С. 122–138.
3. Малашенко, А. В. О перспективах демократии в мусульманском мире / А. В. Малашенко, Ю. А. Нисневич // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 8. – С. 95–109.

4. Мухаметов, Р. Перспективы аль-демократии. Исламский мир ищет свою дверь в современность / Р. Мухаметов // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10, № 6. – С. 118–131.
5. Ренань, Э. История израильского народа / Э. Ренань. – СПб.: Брокгауз-Ефронь, 1912.
6. Сергеев, В. М. Модернизация и политический ислам в Турции / В. М. Сергеев, С. Н. Саруханян // Политика. 2012. № 4 (67). – С. 134–151.
7. Черницкий, А. Ислам и демократия / А. Черницкий. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article23727.htm>
8. Balfour Arthur James. Decadence / Arthur James Balfour // Henry Sidgwick Memorial Lecture by The Right Hon: delivered at Newham College, January 25, 1908. – Cambridge: University Press, 1908.
9. Berger, P. The Desecularization of the World: A Global Overview / P. Berger. – Wash.: Ethics and Public Policy Center, 1999.
10. Grigoriadis, I. N. Islam and democratization in Turkey: Secularism and trust in a divided society / I. N. Grigoriadis // Democratization. – Cambridge: UK, 2009. – Vol. 16, no. 6.
11. Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century / S. Huntington. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991.
12. Schumpeter, J. Capitalism, Socialism, and Democracy. – 2d.-ed. / J. Schumpeter. – New York: Harper, 1947.
13. Kedourie, E. Democracy and Arab Political Culture. Washington / E. Kedourie. – Washington, 1992. – Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/DemocracyandArabPoliticalCulture.pdf>
14. Robert, Dahl. On Democracy / Dahl Robert. – Yale University Press, 2000.
15. Sadowski, Y. New Orientalism and the democracy debate – Political Islam / Y. Sadowski. Ed. by Bein Y., Stork Y. – Berkeley etc., 1997.
16. Siddiqui, K. Primary Goals and Achievements of the Islamic Revolution in Iran / K. Siddiqui. – Mode of access: <https://www.icit-digital.org/articles/primary-goals-and-achievements-of-theislamic-revolution-in-iran>

References

1. Voskresensky, A. D. General patterns, regional specificity and the concept of non-Western democracy / A. D. Voskresensky. *Comparative politics*. 2011, no. 1, pp. 44–69. (in Russian)
2. Dolgov, B. Democracy and Islamism in the Arab countries (Algeria, Tunisia, Egypt) / B. Dolgov. *Polity*. 2007, no. 4 (47), pp. 122–138. (in Russian)
3. Malashenko, A. V. On the prospects of democracy in the Muslim world / A. V. Malashenko, Yu. A. Nisnevich. *World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67, no. 8, pp. 95–109. (in Russian)
4. Mukhametov, R. Prospects of al-democracy. The Islamic World is Looking for Its Door to Modernity / R. Mukhametov. *Russia in Global Affairs*. 2012. Vol. 10, no. 6, pp. 118–131. (in Russian)
5. Renan, E. History of the Israeli People / E. Renan. St. Petersburg, Brockhaus-Efron, 1912. (in Russian)
6. Sergeev, V. M. Modernization and Political Islam in Turkey / V. M. Sergeev, S. N. Sarukhanyan. *Polity*. 2012, no. 4 (67), pp. 134–151. (in Russian)
7. Chernitsky, A. Islam and Democracy / A. Chernitsky. – URL: <https://www.apn.ru/publications/article23727.htm>

8. Balfour Arthur James. *Decadence. Henry Sidgwick Memorial Lecture by The Right Hon: delivered at Newham College, January 25, 1908*. Cambridge: University Press, 1908.
9. Berger, P. *The Desecularization of the World: A Global Overview / P. Berger*. – Wash. Ethics and Public Policy Center, 1999.
10. Grigoriadis, I. N. Islam and democratization in Turkey: Secularism and trust in a divided society / I. N. Grigoriadis. *Democratization*. Cambridge: UK, 2009. Vol. 16, no. 6.
11. Huntington, S. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century / S. Huntington*. Norman. University of Oklahoma Press, 1991.
12. Schumpeter, J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. – 2d.-ed. / J. Schumpeter. New York, Harper, 1947.
13. Kedourie, E. *Democracy and Arab Political Culture. Washington / E. Kedourie*. – Washington, 1992. – Mode of access: <https://www.washingtoninstitute.org/uploads/Documents/pubs/DemocracyandArabPolitical-Culture.pdf.pdf>
14. Robert, Dahl. *On Democracy / Dahl Robert*. Yale University Press, 2000.
15. Sadowski, Y. *New Orientalism and the democracy debate. Political Islam / Y. Sadowski Ed. by Bein Y., Stork Y. Berkeley etc.*, 1997.
16. Siddiqui, K. *Primary Goals and Achievements of the Islamic Revolution in Iran / K. Siddiqui*. – Mode of access: <https://www.icit-digital.org/articles/primary-goals-and-achievements-of-theislamic-revolution-in-iran>